

ПРОРОЧЕСТВО ЭЙНШТЕЙНА

РОБЕРТ МАСЕЛЛО

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

Я не знаю, каким оружием будут сражаться в Третьей мировой войне, но в Четвертой — точно камнями и палками.

Из интервью Альберта Эйнштейна Альфреду Вернеру
для газеты Liberal Judaism, 1949 год

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПАД СТРАСБУРГА

ЭЛЬЗАС-ЛОТАРИНГИЯ

4 АВГУСТА 1944 ГОДА

На разрушенное здание забирался светловолосый мальчик лет двенадцати. Он карабкался по обломкам кирпичей, обожженным балкам и битым стеклам. Коричневая рубашка вся изодрана, а на ботинках не было шнурков, и они грозили вот-вот слететь с ног. Но вот он легко, как горная козочка, прискакал по развалинам на самый верх, дотянулся до своего трофея и победно помахал им над головой.

Его друзья, помладше и не такие смелые (или не такие безрассудные), смотрели снизу, с безопасной дистанции, как он намотал на шею добытую полоску фольги и стал спускаться обратно.

— Во все играют, — подал голос рядовой Тедди Туссен с водительского сиденья джипа. — А мы в детстве крышки от бутылок собирали.

— А мы — карточки с бейсболистами. Но тогда время было другое. — Лейтенанту Лукасу Эйтану сейчас казалось, что время это было тысячу лет назад и в миллионе миль отсюда.

— Это да, — протянул Туссен. — Плюс в нас в детстве никто не стрелял.

Он достал из кармана пачку жевательного табака Red Man и засунул щепотку в рот.

— Будете? — Он протянул лейтенанту коробочку.

— Нет, спасибо.

Мальчишка спустился на землю и теперь гордо показывал фольгу друзьям. Лукас, глядя на него, вспомнил, как в детстве его друг Поли всем хвастался, какой наконецник от стрелы он нашел на экскурсии. Полоски фольги свисали с разбомбленных зданий и голых деревьев: немцы сбрасывали их, чтобы заглушить вражескую связь. В изобретательности немцам не откажешь. Даже здесь, на брошенной территории, могли встретиться то мины-ловушки, то снайперы в пустующих часовых башнях.

Туссен уверял, что от табака у него обостряются все чувства. И ему даже удалось это доказать: за день до того, когда они осматривали пустую церковь, он снял снайпера на клиресе. Один выстрел — и фриц мешком повалился через перила.

— Я соревнования по стрельбе на День благодарения три раза подряд выигрывал! — прокричал он.

На этих секретных вылазках было весьма небезопасно. Лукасу повезло, что с ним был Туссен. У рядового Туссена война была в крови, а вот Лукас к этому совсем не привык. Его направили из Комитета по восстановлению культурного наследия. Комитет должен был находить и сохранять произведения искусства, которые немцы разворовали в Европе.

В мирной жизни эксперты комитета были просто работниками музеев, галеристами или преподавателями, как Лукас. Но сейчас на них была возложена огромная ответ-

ственность. Немцы уже вывезли почти два миллиона картин, статуй и других музейных ценностей из Италии, Франции, Бельгии, Польши и Голландии, и все им было мало. Награбленное пока лежало в секретных хранилищах, но окажется в музее Фюрера, как только Германия выиграет войну – а это было, как они считали, неизбежно.

До высадки в Нормандии.

Но с высадки прошло уже два месяца, а союзные войска все еще с трудом отвоевывали территории, потерянные в начале войны. Битва при городке Сен-Ло на северо-западе Франции шла несколько недель и унесла одиннадцать тысяч жизней. Лукас и рядовой Туссен находились далеко от линии фронта, но здесь было не менее опасно. В 1939 году нацисты массово вывезли жителей из Эльзас-Лотарингии, оставив только людей немецкого или эльзасского происхождения. Знаменитую неороманскую синагогу в Страсбурге с пятидесятичетырехметровым куполом сожгли дотла.

Задача Лукаса и так была непростой, но помимо всего прочего, приказы поступали не напрямую из Комитета, а сверху, из Управления стратегических служб. Дело явно было исключительной важности.

В кармане куртки у него лежал помятый конверт с грубо нарисованной картой. Карта вела к железному руднику – там, вероятно, прятали украденные экспонаты. Еще в конверте была размытая фотография главной ценности – оссуария – саркофага, который немецкий Африканский корпус вывез из Египетского музея в Каире. Лукас не знал, что такого важного именно в этом гробе. Но он разбирался в древнем искусстве, так что идеально подходил для этой миссии.

– Лейтенант, – Туссен вышел из машины, – нас, кажется, приветствуют.

Туссен поднял свой карабин М1, но опустил, как только увидел старика. Он помахивал метлой с белым носовым платком на конце.

– Ich bin der Bürgermeister (Я мэр), – сказал старик. И только потом спросил, говорят ли они по-немецки.

Помянув добрым словом краткий курс немецкого от разведки, Лукас, запинаясь, ответил:

– Ja, ich kann das (Да, я говорю). – И добавил, что он лейтенант 9-й армии США.

Старик кивнул.

– Военных здесь нет, – сказал он и обвел рукой разрушенные здания. – Все ушли два дня назад. Только мирное население.

Лукасу очень хотелось поверить ему на слово, но делать этого было нельзя. На войне обман – такое же оружие, как и пули. Он испытал это на собственной шкуре, когда вытаскивал молодого немецкого солдата из-под руин, а тот на последнем издыхании попытался заколоть его сломанным штыком.

– Я ищу железный рудник.

Мэр насторожился.

– Отведете меня туда? – Лукас постарался, чтобы этот вопрос как можно больше был похож на приказ.

Мэр оперся на метлу и спросил:

– А люди будут в безопасности?

Заброшенные рудники часто использовали как бомбоубежища.

– Я просто ищу украденные произведения искусства, и все, – объяснил Лукас.

Мэр помолчал, явно пытаясь считать на его лице следы каких-нибудь недобрых намерений, вздохнул и махнул,

чтобы американцы шли за ним. Они оставили джип на дороге — вряд ли кому-нибудь надо будет здесь проехать — и пошли за мэром по пустынной улице, мимо осколков камней, мимо рытвин от снарядов. Туссен вглядывался в каждую дверь и каждое окно. За ними увязались те самые мальчишки, подбирая по дороге кусочки фольги. Светловолосый парнишка в изодранной коричневой рубашке шел впереди.

Входя с толпой детей в лес, Лукас почувствовал себя как гамельнский крысолов (Гамельн отсюда, кстати, был недалеко). Над головой возвышались ели и вязы; фольга на их ветках казалась рождественской мишурой. Они шли по толстому ковру гниющей листвы и хвои и перешагивали через старые замшелые бревна. Здесь было заметно холоднее, чем в городе. Какие-то солнечные лучи пытались пробиться через тучи, но густопереплетенные ветви деревьев не давали им дойти до земли. Лукас достал фонарик и стал освещать себе путь.

— Что-то мне это все не нравится, — прошептал Туссен, держа карабин наготове. — Очень уж на западно похоже.

Лукасу тоже было не по себе, но выбора не было. Он получил приказ, и ему дали понять, что с пустыми руками возвращаться не стоит.

Расчистив путь метлой, мэр наконец привел их к проржавевшим рельсам, почти скрытым землей, и повел по ним. Лес стал реже, и через четверть мили перед ними возникли массивные железные ворота, как будто ведущие в какой-то собор прямо в холме. Лукас словно оказался в сказке — только не со счастливым концом, а в мрачной старой немецкой сказке. На таких, наверное, росли эти дети, которые сейчас шли за ними хвостом по лесу. Мэр постучал метлой в ворота три раза и потом еще три. Потом пробормотал что-то в щел-

ку ворот — кажется, просто «Это я, открывайте», — и тяжелый замок лязгнул. Скрипя ржавыми блоками, колесами и цепями, ворота медленно раскрылись и показали аккуратно выдолбленный тоннель, в который уходили дальше рельсы.

Закутанный в бобровую шубу мужик раскрыл рот, увидев Лукаса и Туссена с винтовкой, уставленной прямо на него.

— А это еще кто? — выпалил он. — Зачем вы их сюда пригнали?

— Им нужны только экспонаты.

— Экспонаты принадлежат фюреру! И отвечать за пропажу будем мы!

— Эмиль, я разберусь.

— Ладно, — нахмурился Эмиль. — Виноваты будете вы.

Мэр повернулся к Лукасу и махнул в сторону тоннеля:

— Пойдемте, я вас провожу.

Они миновали рассерженного Эмиля и пошли по тоннелю. Здесь было влажно и холодно; весь свет шел от тусклых лампочек, подвешенных к потолку. Где-то в тени дребезжал генератор. Только через пару минут Лукас вдруг понял, что вдоль стен стояли люди и в страхе цеплялись друг за друга, провожая его взглядами. Он направил фонарик в сторону пожилой пары, и они тут же упали на колени на потрепанное одеяло.

— Amerikaner! — шептали вокруг.

— Какого черта? — спросил Туссен. — Они серьезно считают, что мы их пристрелим?

— Наверно, — задумчиво ответил Лукас.

А с чего им думать по-другому? На войне видишь многое: висящих на деревьях борцов Сопротивления, жителей целых городов, согнанных в амбары и подожженных... Эти люди были уверены, что союзные войска способны на такие

же ужасы, как нацисты. Лукасу подумалось, что когда-нибудь они узнают, как на самом деле обстоят дела, и им будет невероятно стыдно.

Дальше он смотрел только вперед. Мэр вел их все глубже и глубже. Они прошли мимо вагонов для руды на отдельном ответвлении рельсов. Людей здесь не было – сплошные ящики и коробки. Лукас успевал на ходу читать надписи – названия музеев, соборов и частных коллекций, откуда все это вывезли. И везде виднелись ярлычки, указывающие, куда каждый ящик отправится дальше. Ох уж эти немцы, подумал Лукас, даже награбленное аккуратно разложили и систематизировали. То здесь, то там ярлычки гласили «Каринхалл» – огромный замок Германа Геринга в лесах Шорфхайде недалеко от Берлина. Приятно было думать, что туда так ничего и не попадет.

Но пока не было видно ничего похожего на оссуарий, который ему приказали отыскать. Лукас остановил старика, схватив его за локоть – как будто держишься за окаменелое дерево, – и вытащил из кармана фотографию.

– А такое здесь не видели?

Мэр внимательно изучил снимок с подписью «Der Hirte» – на крышке саркофага был изображен бородатый пастух.

– Такой каменный ящик, – сказал Лукас по-немецки и развел руки, показывая размеры.

Старик стоял опустив голову, и было видно, какая борьба идет у него внутри.

– Узнаете ведь, да?

Он не ответил.

Лукас повторил.

– Лейтенант, что-то не так? – спросил Туссен, сплюнул

на землю и приподнял ствол винтовки. — Может, напомнить ему про гнев Господень?

Лукас покачал головой и мягко опустил его винтовку.

— Покажите, где он, — сказал он, повернувшись к мэру.

Старик промокнул губы грязным красным платком. Затем покорно опустил голову и повел их дальше по шахте. Чем дальше, тем холоднее и темнее становилось вокруг. Все стены здесь были в многолетних следах от кирки и взрывчатки, а земля ужасно неудобно бугрилась. Даже промежутки между лампами стали больше, и в какой-то момент Лукасу показалось, что за поворотом сейчас возникнут врата в ад.

На какое-то мгновение ему показалось, что так оно и есть. Перед ним открылось огромное пустое пространство, черное как уголь. Эту густую темноту не смог рассеять даже его фонарь. Лукас вдруг понял, что старика нигде не видно, но прежде, чем он успел что-то сказать Туссену, послышался звук рычага, и в воздух взвился фонтан голубых брызг. Он отпрыгнул назад, а рука инстинктивно потянулась к кобуре, но выстрелить он не успел — да и во что стрелять? — кругом зажглись ослепительно-яркие огни.

Он поморгал, давая глазам привыкнуть к свету, и увидел, что старик стоит у стены и держит руку на рычаге. Они находились в гигантском помещении, размером с вокзал и столь же ярко освещенном. Потолок уходил так высоко, что его едва было видно. Десятки путей скрещивались и убегали вперед. Кругом валялись поломанные тачки и части конвейеров.

А посреди всего этого, сложенные как дрова, возвышались тысячи картин в пышных рамах, окруженные сотнями скульптур, некоторые были перевязаны веревкой, словно только готовились к перевозке. Лукас слышал, что в Букс-

хайме и Хайльбронне есть такие же склады, но этот явно превосходил все.

– Черт побери! – ахнул Туссен.

– Когда это сюда привезли? – спросил Лукас.

– Грузовики то приезжали, то уезжали, – пожал плечами мэр. – Солдаты этим занимались. А мы ничего и не спрашивали.

Вот он – девиз Германии, подумал Лукас. «А мы ничего и не спрашивали». Он глянул на картины – сплошь голландские и фламандские бытовые сцены – и на скульптуры – в основном римские и греческие. Он специализировался на античном искусстве и теперь узнавал многие, не глядя на надписи на пьедесталах. Четыре года назад он изучал их по справочникам, когда писал диссертацию.

Ходить теперь среди них – все равно что смотреть на ожившую мечту. У каждой скульптуры, у каждого холста он хотел задержаться подольше и рассмотреть в мельчайших подробностях. Как только война закончится, все это будут развозить обратно по музеям – грандиозная задача. Интересно, можно будет попроситься возглавить операцию? Ради этого он был готов даже остаться в армии. Какая миссия может быть важнее и приятнее!

– И как, черт возьми, вы собрались тут искать один какой-то ящик? – спросил Туссен из-за спины.

Он все еще держал мэра на мушке на всякий случай.

Лукас с фотографией в руке прошелся по импровизированному проходу, разглядывая скульптуры, погребальные урны и амфоры. Чтобы найти то, что нужно, может понадобиться несколько дней. Он повернулся к мэру и опять спросил, показывая фотографию:

– Где он?

Старик протянул куда-то вперед дрожащий палец, но идти туда не собирался, пока Туссен не показал ему винтовкой, чтобы двигался. Лукас пошел за мэром. По дороге Лукас то и дело видел, как между пьедесталами что-то мелькает.

— Ты это видел? — спросил он Туссена.

— Что? — не понял тот.

Лукас решил, что, наверное, нервы шалют.

Остановились они только в самом дальнем конце пещеры. Метрах в двадцати от них плотным кольцом стояли вагонетки, как будто что-то скрывая.

— Он здесь?

Мэр кивнул, но с места не сдвинулся.

— Вы уверены?

— Да. Да.

— Я схожу проверю, — решил Лукас. — А ты посторожи дедулю.

Он обошел груды ящиков и приблизился к вагонеткам, держа пистолет наготове. На одну был накинута плакат с черной свастикой. Он подошел ближе и прочитал: «Bestimmungsort: Berchtesgaden/Kehlsteinhaus (Куда: в Берхтесгаден, Орлиное гнездо).

Горная резиденция Гитлера.

Конечно, старик не хотел сюда идти. Это бы означало, что он предал самого фюрера, отдал врагу то, что он лично для себя отобрал. Если ему когда-нибудь придется за это отвечать — бог ему в помощь.

Лукас просочился в узкую щель между вагонетками — они как будто кого-то защищали, — и в этом закрытом пространстве, размером не больше площадки для бадминтона, его глазам представало ужасающее зрелище.

Поначалу он решил, что на земле лежит пугало. Проще

было поверить, что разбросанные в стороны рукава и штанины наполнены соломой, чем человеческой плотью. Даже затылок смахивал на бок подгнившей тыквы – распухший, болезненно оранжевый. Вся кожа, которую было видно, – в каких-то шрамах и пятнах. Лукас попытался прикинуть, сколько этот труп здесь пролежал и что, черт побери, его убило?

Но тут Лукаса отвлекло то, что стояло позади и чуть выше тела. На четырех козлах для дров, как на пьедестале, возвышался оссуарий. И рассматривать не надо: Лукас уже узнал и заостренные углы, и выпуклую крышку – массивная железная цепь удерживала ее на месте. Но свет падал так, что его было трудно рассмотреть подробнее. Саркофаг был как будто завернут в собственную тень.

Вдруг справа опять что-то промелькнуло.

– Halt! Hände hoch! (Стоять! Руки вверх!) – прокричал он, выхватывая револьвер.

Под чьей-то ногой прошелестел гравий.

– Komm raus, oder ich schiesse! (Выходи, или стрелять буду).

– Нет, не стреляйте! – прокричал по-немецки дрожащий детский голос.

– Что у вас там? – крикнул Туссен.

Из-за вагонетки с поднятыми руками вышел светловолосый мальчик, тот, что лез за фольгой. Лукасу опять пришел на ум Поли, как он всем хвастался этим своим накопчиком.

– Лейтенант! – снова окликнул его Туссен; он уже пробирался к нему, не опуская карабин. – У вас там все хорошо?

– Все чисто! – Свое оружие Лукас уже опустил.

Туссен протолкнулся между вагонетками.

— Вот же ж! Я чуть ребенка не пристрелил!

— Гензель, что ты здесь делаешь? — прикрикнул мэр, не заходя внутрь круга вагонеток. — Я же велел оставаться в руднике!

Лукас чуть не расхохотался в голос. Гензель. А Гретель где, интересно? Может, он и правда попал в мрачную сказку братьев Гримм.

Тут мальчик увидел труп, и его глаза стали большими, как блюдца.

— Я просто шоколадку хотел, — пробормотал он.

Даже немецкие дети знали, что у американцев всегда с собой шоколад. Лукас вообще-то припрятал его себе на ужин, но Гензелю явно было нужнее. Чтобы отвлечь мальчика от трупа, Лукас запустил руку в карман рубашки и протянул ему шоколадку:

— Держи. Заслужил.

— Ничего он не заслужил, — проворчал мэр из-за вагонеток. — Он не послушался!

Лукас был так счастлив, что нашел оссуарий и остался жив, что был даже рад поделиться своим счастьем. Одно дело исполнять приказы комитета и совсем другое — выполнить сверхсекретную миссию УСС. Мальчик не сводил глаз с шоколадки. Он уже жадно протянул к ней руку, но вдруг споткнулся обо что-то в грязи.

«Шнурки бы завязал», — успел подумать Лукас, но тут раздался такой сильный взрыв, что его подбросило в воздух и ударило спиной в вагонетку, так что кости затрещали и перед глазами заплескали искры. А потом все вернулось к черноте густого сказочного леса.